

На правах рукописи

Юдин Алексей Владимирович

Геополитический риск: развертывание философской концептуализации

09.00.11 — социальная философия по философским наукам

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Саратов – 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный руководитель доктор философских наук, профессор Устьянцев Владимир Борисович

Официальные оппоненты:

Демидов Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии

Рязанов Александр Владимирович, доктор философских наук, доцент, Поволжский институт им. П.А. Столыпина (филиал РАНХиГС при Президенте РФ), заведующий кафедрой философии

Ведущая организация Омский государственный педагогический университет

Защита состоится «27» сентября 2012 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.09 при Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская 83, XII корпус, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Листвина Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Проблема геополитического риска носит глобальный характер, являясь фундаментальной составляющей социального мира, с которой связано будущее человечества. Геополитический контекст постиндустриального настоящего, характеризуемый ныне наличием оружия массового поражения, невиданным прежде масштабом его продажи; охваченный национальными, военными, конфессиональными столкновениями, обусловленный действиями конкретных индивидов, групп стран, ориентированных на собственные ближайшие интересы, продолжающих действовать с позиции силы и насилия, используя прямые методы агрессии и экспансии, ставит на грань риска само существование жизненного пространства общества и человека. Идеи нестабильности, неопределенности и непредсказуемости становятся широко распространенными чертами геополитической жизни современного общества риска.

Интерес к философскому осмыслению концепта геополитического риска обусловлен структурными сдвигами глобального геополитического пространства на рубеже XX-XXI века, возрастанием роли национального фактора в культурной жизни этносов и наций, возникающими геополитическими опасностями при ослаблении государственных границ национальных социумов, необходимостью повышения роли нравственно-ценностного пространства в социализации и идентификации личности.

Теоретическую значимость теме исследования придает привлечение концепта в проблемное поле современной социальной философии. Это позволяет заполнить исследовательский вакуум, образовавшийся из-за дефицита академических работ по геополитическому риску; преодолеть традиционное понимание геополитического горизонта социального пространства, по иному осмыслить концептуальные основания в содержании и структуре геополитического риска, выполняющих важную роль в жизнедеятельности социальных субъектов.

Практическая значимость исследования связывается с актуальной и ключевой проблемой – минимизацией геополитического риска как социального явления. Практические рекомендации, исходя из теоретических посылок концепта, ориентируют субъектов геополитики на решение вопросов по сохранению безопасности жизни, равно как и преодолению существующего противоречия между большими социальными пространствами. Новые идеи, концепты и конструкты, введенные в оборот исследования, нацеливают социальные субъекты на формирование конструктивных мировоззренческих ориентиров при моделировании геополитических ситуаций. Это в свою очередь побуждает исследователей к активному научному поиску по формированию перспективных методологических подходов в разработке социальных механизмов, способствующих нейтрализации геополитических рисков со значительными негативными последствиями.

Степень разработанности проблемы

В процессе исследования проблемы нами задействован целый комплекс дискурсионных и научно-когнитивных практик. До сих пор философской наукой концепт-проблема геополитического риска не выделена в самостоятельный объект исследования. В качестве теоретико-фундаментальной базы концептуализации могут служить исследования зарубежных (У. Бек, Н. Луман, М. Дуглас, Э. Гидденс) и российских авторов (В. Устьянцев, О. Яницкий, И. Яковенко), связанных с углубленной тематизацией концепта общества риска, обусловленных драматизмом модернизационных процессов, ускоряющих разрушение прежних стабильно функционирующих общностей, структур и институтов. В этих исследованиях вскрываются фундаментальные источники возникновения глобальных рисков, что «дает возможность проследить сложную нелинейную динамику эволюционных форм неопределенностей в различных типах социально-организованных систем», в которых культивируются социальные риски (геополитические в том числе).

Теоретико-фундаментальной базой для философской концептуализации выступает и опыт исследования сложных, коэволюционных систем (в том числе и социально организованных), представленных учеными, представителями синергетической концепции (С. Курдюмов, Е. Князева, В. Бранский). Внутренний потенциал нелинейной динамики сложной социально организованной системы порождает внешнюю нестабильность, зону флуктуаций, как эволюционных форм неопределенностей (на практике – это оправдание любых форм насилия под эгидой борьбы с терроризмом, оправдание форм неокOLONиальной экспансии, «эксплуатация» принципа права наций на самоопределение), способных расшатывать сложившийся порядок отношений (в том числе и пространственный) между геополитическими единицами (государствами, нациями, этносами), подводя систему к точкам бифуркации, которые мыслятся как эволюционные формы геополитического риска.

Особо значимой теоретико-фундаментальной базой для развертывания концептуализации выступает опыт исследования риска, представленный коллективом ученых саратовской философской школы (Д.А. Аникин, В.В. Афанасьева, В.П. Барышков, В.Н. Гасилин, С.А. Данилов, М.О. Орлов, В.П. Рожков, В.Б. Устьянцев). Здесь определены онтологические, социокультурные, экзистенциально-аксиологические и институциональные измерения риска, что открывает возможность по новому выявить и рассмотреть сущность рискогенных ситуаций в современном обществе.

Инструментальной базой для концептуализации выступают теоретическое наследие классиков геополитики и научные разработки представителей новой или «критической» геополитики, из которых для уяснения проблемы заимствуются идеи и комплекс информации, необходимые для «ценения», описания, объяснения и обоснования пространственного риска, а также обозначения некой традиции в исследовании процессов пространственного преобразования мира. Органицистская концепция классиков геополитики (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер) открывает возможность для понимания пространственного риска в рамках разработанных ими теорий «расширения

жизненного пространства» и «Больших Пространств». Семь основных законов пространственного роста государства, сформулированные Ратцелем – некая программа бытия локальных жизненных пространств, где отражаются основные формы их трансформации: расширение и сжатие, осмысляемые как естественный живой процесс их развития. В понимании первых геополитиков экспансия государства – это естественная тенденция в его развитии, а война – это особое проявление борьбы за жизненное пространство и подчиняется все это вечным законам природы (концепция природно-географического детерминизма). Представители новой или «критической» геополитики начинают увязывать пространственные преобразования в обществе с социальными, политическими и культурными смыслами, вкладываемые в основные понятия классической геополитики: «географическое пространство», «граница». Новые геополитики (социологи: А. Вендт, М. Финнемор) и геополитически ориентированные современные философы (П. Цыганков, А. Цыганков) утверждают, что в основании геополитической деятельности государств лежат культурные мифологии, сконструированные разумом. Граница как основной конструкт географического пространства связан не только со смыслом власти и господства, но и со смыслами, вкладываемыми интеллектуальными и политическими воображениями, в практическом оформлении тех или иных конструктов. Здесь геополитический риск представляет собой определенную конструкцию, зависимую от факторов культурного порядка и пристрастий тех, кто эту конструкцию создает и оперирует в анализе.

В методологическую основу концептуализации геополитических рисков входят исследования авторов, где разрабатывается социальная природа риска. Речь идет о работах У. Бека, где риски связываются с «прогрессирующей модернизацией» и глобализационными процессами, создающими опасности из-за нежелательного функционирования технологий или социальной среды; британского социолога Э. Гидденса, где источники рисков просматриваются через вторжение человеческого знания в мир природных закономерностей; английского антрополога М. Дуглас, где риск выступает как совместный продукт знания и согласия.

Прикладной базой для развертывания философской концептуализации выступают научные и публицистические работы, с одной стороны, затрагивающие отдельные аспекты политических проблем, с другой, анализирующие конкретные события в жизни глобального и национального социумов. Наиболее значимые из них – Л.В. Певень, В. Иноземцев, А.И. Демидов, Н.А. Нарочницкая.

Геополитический риск как политическая категория стала разрабатываться недавно в политической науке Эжиевым И.Б., где на основе анализа мировой экономической и политической конъюнктуры им обосновывается рассмотрение проблемы риска в геополитической плоскости.

Среди исследователей, рассматривающих феномен глобализации с точки зрения пространственных процессов, необходимо отметить А. Неклессу, М. Чешкова, анализ работ которых позволяет осмыслить геополитический риск

как механизм интеграции общества, механизм формирования государственного и цивилизационного пространства, не исключая негативные последствия, рискованные глобализационные тенденции.

Круг проблем, связанных с имперской тематикой, в частности «имперским характером» российского пространства, рассматривался представителями отечественной философской мысли – В.С. Соловьевым, И.Л. Солоневичем, М.А. Бакуниным. Среди современных авторов необходимо назвать С.В. Лурье, В.Л. Цымбурского, в работах которых осмысляются основания геополитических действий, усматриваемые в имперском экспансионистски ориентированном типе мышления правящих элит.

Работы, затрагивающие вопросы национализма и национального самосознания, этнополитической коммуникации в последнее десятилетие оказываются в центре внимания общественно-политических наук и объектом исследовательских интересов Межуева Б.В., Дугина А., Богатурова В., Рязанова А.В. При всем различии подходов ученые выделяют в национализме, в частности и особенности российском, сходный смысловой комплекс, связанный с «безграничностью» и пространственной нелокализированностью (А. Дугин), противопоставленностью Востоку и Западу как неким «трансцендентальным ограничителем» (Б. Межуев). Авторы указывают на мессианский характер российского национализма и способность абстрагироваться от этнического принципа (В. Цымбурский). Среди зарубежных авторов следует отметить работу К. Шмитта «Понятие политического», в которой он отмечает множество версий национализма, связанных с идентификацией через противопоставление «другому», «чужому». По его мнению, подобные «локальные национализмы» возникают даже в регионах, не обладающих сколько-нибудь выраженной этнической спецификой.

Заслуживают особого внимания научные разработки российского философа А.С. Панарина, в которых рассматривается целый комплекс геополитических проблем, связанных с распадом СССР, с анализом геополитического и цивилизационного типов сознания, отношением неевропейских культур к западноевропейским принципам и ценностям, и с особенностями современных правящих элит как субъектов геополитического риска. Не давая теоретического обоснования понятию «геополитический риск», тем не менее, А. Панарин указывает на его рискообразующую субъективную составляющую – категорию «политической элиты».

Целый блок исследовательской литературы, базируясь на теории перспективы, выдвинутой зарубежными авторами Д. Канеман и А. Тверски, посвящен анализу поведения субъектов геополитики при кризисном взаимодействии в ситуациях международных и национальных конфликтов. Фундаментальные постулаты теории перспективы связываются с психологической направленностью субъекта действия: его эмоциями, убеждениями и ценностями, вынуждающими его отклоняться от нормативной рациональности, что приводит к множеству ошибок при осуществлении подсчетов и оценке вероятностей последствий риска.

Несмотря на то обстоятельство, что категория «пространства» является устойчивым фреймом в системе философского знания, а геополитика стала складываться еще в конце XIX века, вопросы организации, противостояния и балансирования жизненного пространства глобального и локальных социумов с учетом их пространственной трансформации, активно не рассматриваются в качестве объекта исследования ни в контекстах философии общественных наук вообще, ни в дискурсионных практиках социальной философии, в частности. Сам термин «геополитический риск» не находит широкого научно-практического применения. Ощущается недостаток в академических исследованиях для легитимной субъективации концепта геополитического риска в рамках социально-философского дискурса. Изложенные соображения позволили определить объект, предмет и цель настоящего исследования.

Объектом исследования является риск как общественный феномен, выражающий пространственную трансформацию природного и социального мира, отражающий ключевые стадии развития общества и человека.

Предметом исследования выступает проблематика геополитического риска как социально-философского знания, связанная с пространственным изменением социального мира.

Цель исследования – развернуть социально-философскую концептуализацию геополитического риска как теорию, имеющую практическую значимость и отражающую ценностные, деятельностные, антропологические и функциональные характеристики субъектов социально-политических действий и общества в целом, обеспечивающих пространственное преобразование социального мира.

В контексте реализации поставленной цели намечены следующие **задачи**:

1. Раскрыть смысловые значения геополитического риска; провести сравнительный дискурс-анализ пространственных рисков; сформулировать социально-философскую дефиницию геополитического риска;
2. Определить социальный горизонт концепт-проблемы, раскрыть теоретическую матрицу геополитического риска; провести анализ его субъектно-объектных структур;
3. Рассмотреть феномен правящей политической элиты (как «титульного» субъекта геополитического риска), выделив его деятельностные категории, а также исследовать механизмы взаимосвязи социальной памяти и геополитического риска;
4. Провести дискурс-анализ геополитического пространства России в методологическом ключе концепта геополитического риска;
5. Утвердить идею новой геополитической рационализации в качестве инновационного формата развертывания социально-философской концептуализации геополитического риска, определяя ее ценностные и методологические перспективы.

Методологические основания исследования.

Применяются ценностный, историософский, пространственный и деятельностный подходы, что вызвано задачей оценки геополитического риска

как общественного феномена, определения сравнительных характеристик георисков прошлого и настоящего, выяснения структурных компонентов концепт-проблемы геополитического риска для целостного видения системы развертывания социально-философской концептуализации.

В анализе практических проблем геориска применяются пространственный, деятельностный, феноменологический, информационный и постструктуралистский подходы. Используются приемы теоретического обобщения, дискурс-анализ, геополитический анализ, конструктивное моделирование и социальное проектирование.

В методологическую основу исследования входит критическая рефлексия оснований геополитического сознания, мышления и социально-политической деятельности, что вызвано задачей их переосмысления и реконструкции. Применяется метод идеализации, позволяющий обосновать ценностные и методологические перспективы развертывания социально-философской концептуализации геополитического риска.

Существенное влияние на формировании авторской концепции оказали теоретические разработки представителей саратовской философской школы: Д.А. Аникина, В.В. Афанасьевой, В.П. Барышкова, В.Н. Гасилина, С.А. Данилова, А.И. Демидова, М.О. Орлова, В.П. Рожкова, А.В. Рязанова, В.Б. Устьянцева.

Научная новизна диссертационного исследования

1. Разработана авторская концепции геополитического риска, рассматриваемая в качестве социально-философской проблемы, отражающей общественно-мировоззренческие установки исторического времени и ценностные ориентиры элитарной части общества. По-новому исследован феномен геополитического риска: от субъектно-объектного единства к социальному триединству коллективного сознания, социального пространства и социально-политической деятельности. Проведен социально-философский анализ геополитических рисков прошлого и настоящего.
2. С новых теоретических позиций классифицируются субъектно-объектные структуры геополитического риска с выделением горизонтальной и вертикальной форм его функционирования, выводящие концепт-проблему риска на коммуникативные практики между геополитическими субъектами. С этих позиций анализируется и типология субъектно-объектной структуры геополитического риска: от типологии по форме (субъект и объект – национальные государства) к типологии по содержанию (социальная общность как субъект, пространственные и социальные отношения между национальными сообществами как объект).
3. Новизна исследования феномена политической властвующей элиты заключена в определении ее как титульного, рискообразующего субъекта. Выделены ее внутренние характеристики: поливалентность по статусу и поливариативность геополитического сознания, носящие амбивалентный характер. Обосновано предположение о том, что политическая

властвующая элита – это особая социальная общность, на уровне которой осуществляется переход геополитического риска из состояния развития в его саморазвитие.

4. Аргументирована методологическая направленность исследования проблемы взаимосвязи социальной памяти и геополитического риска: от функционального подхода к социальной памяти, экстраполирующего стереотипные сюжетные линии на геополитические ситуации до сопряжения методологических подходов (информационный, постструктуралистский), открывающих новые горизонты социально-философской концептуализации в векторе поисковых процедур по нейтрализации геополитического риска.
5. Обоснована методологическая эффективность привлечения концепции геополитического риска к анализу геополитического пространства России: от обоснования его географическими и силовыми факторами до выявления его рискогенных онтологических структур и риск-ориентированного сознания и действия ее социально-политических субъектов.
6. Сформулирована и обоснована идея новой геополитической рационализации, где поставлена проблема необходимости совмещения интеллектуальных «полей» - морального и экзистенциального в условиях геополитического выбора; нравственного и социального в условиях геополитических угроз и опасностей. Выявлены смыслы в определении пространственных отношений между субъектами геополитики: необходим синтез интеллектуальных и силовых полей геополитической этики и наращивание нравственного капитала общества для непрерывности развития цивилизации.

Положения, выносимые на защиту

1. Геополитический риск – это один из видов социального риска, системообразующим элементом которого выступает коллективный субъект социально-политических действий с совокупностью психологических, деятельностных, ценностных характеристик, обусловленных ценностно-мировоззренческими установками исторического времени национальных социумов. Его онтологический базис состоит из социальных апологий, заявляющих геополитические цели, обосновывающих геополитические мотивы, оправдывающих геополитические интересы, а также из социальных технологий, практически реализующих геополитические цели, влияющие на пространственное строительство, ускоряя и сдерживая его темпы. Геополитический риск – это общественный феномен, выражающий пространственную трансформацию природного и социального мира, отражающий ключевые стадии развития общества и формирующий властный контроль над жизненным пространством общества и человека.
2. Социальный горизонт концептуализации геополитического риска представлен теоретическим модулем социального триединства понятий: «коллективное сознание – социальное пространство – социально-

политическая деятельность». Они представляют собой предельно общие суждения о геополитическом риске как общественном феномене, его субъектно-объектных структурах, одновременно являясь и категориями для определения его становления. Возникновение, бытие и функционирование геополитического риска определяется единством этих трех понятий. Категориями, концептуализирующими проблемное поле геополитического риска, выступают: «инверсия», «различение», «регуляция» и «управление», через которые раскрываются основные типы взаимосвязей социального триединства – взаимопересечение, взаимопроникновение, взаимодействие, - формирующие каркас теоретической матрицы геополитического риска. Системность и реализацию этих взаимосвязей обеспечивают его субъектно-объектные структуры.

3. Феномен правящей элиты в концепте выступает в амбивалентной субъектной форме: она субъект производства и потребления геополитического риска, она и субъект преодоления кризисных геополитических явлений. Властвующая элита, обладая потенциалом поливалентности и поливариативности геополитического сознания осуществляет действия, направленные на расширенное воспроизводство геополитической деятельности, не допуская разрывов в движении. Политическая властвующая элита концептуализируется как инстанция, на уровне которой происходит переход из режима развития в режим саморазвития геополитического риска. Формы такого перехода заложены в культурологических кодах, одним из которых выступает социальная память. В схеме взаимосвязи памяти и геополитического риска наличествуют множество разнопорядковых элементов, поддерживаемых общими воспоминаниями и коллективными представлениями. С одной стороны, дискретные, опорные точки («война», «религиозный или этнический конфликты»), задающие типичную стратегическую инициативу геополитическому субъекту; закрытые, статичные структуры («пространственная трансформация», «противостояние Больших социальных пространств»), передающие архаичные, устойчивые репрезентации геополитического прошлого на настоящее. С другой – ретроспективный тип социальной информации, передающий культурное своеобразие и различительные информационные схемы Больших социальных пространств, задающие различные геополитические сюжетные линии; или децентрализованные открытые структуры, определяющие динамизм геополитических принципов и интересов, детерминирующие инварианты геополитических ситуаций.
4. С позиций социально-философской концептуализации геополитического риска геополитическое пространство России представляет собой результат инверсионного, неопределенного, расколотого, постоянно риск-ориентированного коллективного действия и сознания россиян, сформировавшегося под влиянием ценностно-мировоззренческих представлений исторического времени. Геополитическое пространство

России структурно неоднородно. Доминирующие две онтологические структуры: полиэтничность пространства и его демографическая разреженность порождают особую сферу рискогенности геополитического пространства: усиление национально-этнических интересов, стремление к независимости наций и этнических групп, отсутствие структурного баланса между Центром и периферией, отсутствие активного культурного освоения малозаселенных территорий. Рискогенная природа российского геополитического пространства обусловлена социально-политической рискогенной деятельностью социальных субъектов, одновременно являясь их жизненным миром. Издержки этнокоммуникативного, активизация этноперсонафицированного, снижение политико-экономического аспектов управленческого фактора создают опасную напряженность и порождают новый риск, когда политическая элита, как титульный субъект геополитического риска, не в полной мере реализует свои собственные возможности для сохранения целостности многонационального, неравномерно заселенного российского пространства.

5. Ценностные и методологические перспективы социально-философского концепта геополитического риска редуцируются в моральном, экзистенциальном, гуманистическом, социокультурном, дискурсивно-управленческом горизонтах. Эти горизонты определяют инновационный формат развертывания концептуализации геополитического риска. Моральная экзистенция в пользу жизни раскрывается в ситуациях геополитического выбора субъектов риска. Нравственная приватизация общества с ее геоэтическими формами: геополитической этики и гуманизацией научно-технического прогресса – главная защита коллективного сознания и социально-политической деятельности социальных субъектов в ситуациях геополитического выбора. Новая геополитическая рациональность, основанная на взаимосвязи этической и геополитической рациональности, постоянно культивируемая в усовершенствованных дискурсивных управленческих системах, самонастраивает общественное сознание, ориентирует геополитическую деятельность социальных субъектов на конструктивный диалог и взаимопонимаемую коммуникацию, становятся не только способами социального проектирования, но и действенными механизмами защиты от инверсионности коллективного сознания, различения социального пространства, способом защиты от рискогенной деятельности.

Теоретическое и практическое значения исследования

Значимость данного диссертационного исследования определяется необходимостью рассмотрения геополитического риска как общественного феномена в качестве социально-философской проблемы.

Полученные результаты исследования позволяют обратиться к выстраиванию социогеополитической теории практического действия, отойти от классических референций, наличествующих в дискурсах по

пространственному преобразованию социального мира; стимулировать дискуссию и творческий научный поиск по осмыслению и активному участию в формировании перспективных социально-философских подходов к геополитической проблематике.

Разрабатываемые в данном исследовании понятийно-категориальные ряды могут выступать методологической основой прикладных исследований в рамках политологии, геополитики, психологии, антропологии, аксиологии, рискологии и других смежных дисциплин.

Материалы диссертационной работы могут быть использованы при разработке учебных программ по социальной философии и философии геополитики.

Апробация диссертационного исследования

Научные сообщения по материалам исследования были сделаны автором на ряде научных конференций различного уровня. В их числе: на региональной научно-практической конференции «Общество риска: цивилизационный вызов и ответы человечества» (декабрь 2006 г., Саратов); научной конференции «Ценностный мир человека в современном обществе» (декабрь 2007 г., Саратов); международной научной Интернет-конференции, посвященной 95-летию Российского университета кооперации «Инновационные методы в науке и образовании» (ноябрь 2008 г. г. Саратов); научной конференции «Культура, наука, человек в постсовременном обществе», посвященной столетию Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (декабрь 2008 г., Саратов); международных научно-практических конференциях «Тенденции развития современного общества: пути преодоления экономического кризиса» (апрель 2009 г., Саратов), «Экономический и социально-философский потенциал современного общества: возможности, тенденции, перспективы развития» (июнь 2009 г., Саратов); «Тенденции и перспективы развития современного общества» (октябрь 2009 г, Саратов); внутривузовской научной конференции аспирантов и соискателей на базе Поволжского кооперативного института Российского университета кооперации «Стратегическое развитие России в рамках приоритетных национальных проектов» (май 2009 г., Саратов), международной научно-практической конференции «Модернизация и перспективы развития современного общества (экономический, социальный, философский, правовой аспекты)» (июнь 2010 г., Саратов); международной научной конференции «Интеграция и инновация: их роль в социально-экономическом развитии» (декабрь 2010 г., г. Саратов).

Структура работы

Диссертационная работа соответствует цели исследования и логике поставленных задач. Она состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, анализируется современный

уровень разработанности проблемы в научной литературе; обозначается научная новизна и структура работы; излагаются положения, выносимые на защиту, показана теоретическая и практическая значимость работы, отмечаются научные сообщения по материалам исследования, сделанные автором на ряде научных конференций.

Глава первая **«Теоретические начала социально-философской концептуализации геополитического риска»** исследует социально-философскую проблему одного из вариантов социального риска – риска геополитического. Эта глава посвящена поиску концептуальных оснований, теоретической разработке проблемного поля этого вида риска. Содержание первого параграфа первой главы **«Концепт-ценность геополитического риска: начало социально-философской концептуализации»** методологически основывается на оценке его смысловых значений, выделении принципиальных его особенностей (первое направление в оценке), а также определении его ценности как общественного явления, носящего амбивалентный характер (второе направление в оценке). Категория «ценности» выступила началом в развертывании концептуализации. В рамках первого направления выделяются два уровня осмысления: обыденное и научное. Первый связывается с личным и групповым опытом геополитической практики субъектов социально-политических действий: территориальным переделом наций-государств в борьбе за географическое пространство, сырьевые ресурсы и рынки сбыта. Здесь геополитический риск определяется в метафорических терминах: «вспышка», «вспашка», «взрыв» (термины первых геополитиков); в терминах реалистического понимания как традиционной борьбы за территорию государства с применением силовых методов и доводов.

Научный уровень осмысления связывается с представлением индивидом перманентного противостояния и противопоставления Больших пространств; восприятием пространства в целостном и расчлененном виде через конструирующую способность человеческого сознания; отношением индивидов к пространству: необходимостью в его освоении и целенаправленной реконструкции для разрушения старого и созидания нового. И тогда геополитический риск есть акт несогласия субъектов социально-политических действий со сложившимся пространственным порядком; он есть и установление нового пространственного порядка, а также и акт согласия субъектов на рискодеятельность для перераспределения властных полномочий относительно контроля над жизненным пространством. Этот уровень оцениваемых значений выделяет сущностные, ценностные качества геополитического риска: пространственную трансформацию социального мира, осознанный активизм субъектов социально-политических действий – наций-государств – по пространственному преобразованию социума, властный контроль над жизненным пространством.

Существенно дополняет уровень значений геополитического риска историософский подход. Проводится сравнительный дискурс-анализ геополитических рисков прошлого и настоящего, где констатируется, что это общественное явление существовало во все времена и во всех общественных

устройствах национальных сообществ. Геополитический риск есть самый древний способ и механизм пространственных соединений и размежеваний национальных социумов. Он есть знаковая система, имеющая смысл и значение; специфический социокод, передающий от поколения к поколению пространственную программу социополитической жизни этносов и наций. Отмечается, что это знаковая система обусловлена ценностными ориентациями носителей личного и социально-группового опыта «воинственной» геополитической практики. Особо подчеркивается, что эта практика напрямую зависима от мировоззренческих ориентаций ее субъектов, этноцентризма лидеров политических элит, интересубъективных теорий и доктрин, а также общественного духа эпохи и национального своеобразия социума. Утверждается, что геополитический риск есть ведущая стратегия социального пространства, отражающая ключевые стадии развития общества.

Второе направление в оценивании общественного феномена проводится через поиск ответа на вопросы о его концептуальной ценности, о соотношении понятия ценности с понятием геополитический риск. Суждения о том, что риск выступает в качестве ценностной модели, оснащенной инновационными референциями (замена старого пространственного порядка на новый); объединительными параметрами (основа интересов субъектов к пространству – удержание и приращение его); механизмом удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей (в дополнительном жизненном пространстве, сырьевых ресурсах, державных запросах политических элит) приводят к заключению о том, что геополитический риск амбивалентен: с одной стороны, он – новатор (обладает созидательной тенденцией), а с другой – «обладатель» разрушительных тенденций, что порождает парадоксы и противоречия в определении его как ценности. Другие суждения, выведенные из анализа множественных значений аксиологического понятия «ценность», привели к заключению о том, что геополитический риск как ценность не всегда репродуцирует ценность; он вполне объективно уже предрасположен к «неблагости» и негативности своих проявлений. Утверждается, что амбивалентная сущность человека, его ценностно-институциональная составляющая позволяет управлять геополитическим риском, вырабатывая иные инновации, сопряженные с механизмом защиты от негативных его проявлений. Подчеркивается, что в способности человека и общества обращаться через акты человеческого самопроявления к исконным морально-нравственным, этическим, ценностным нарративам заключена суть смысла концепт-ценности геополитического риска. Суждения о том, что человек и общество не только «вписываются» в мировой пространственный порядок, но и активно, целенаправленно действуют в нем со своими установлениями, убеждениями и мировоззренческими ориентациями, подводят к заключению: геополитический риск не только влияет, но и порождает определенные ценности, становящиеся самодовлеющими ценностями в разрешении пространственных проблем.

Начальный этап развертывания в социально-философской концептуализации геополитического риска, проведенный через категорию

«ценности», с применением пространственного, деятельностного, историческо-философского подходов позволяет сформулировать социально-философскую дефиницию геополитического риска. Он есть общественный феномен, выражающий пространственную трансформацию природного и социального мира, отражающий ключевые стадии развития общества и формирующий властный контроль над жизненным пространством общества и человека.

Ценение общественного феномена с разных позиций и в разных планах направляет исследование на разработку базовых понятий категорий его проблемного поля.

Во втором параграфе первой главы **«Социальный горизонт концепт-проблемы «геополитический риск»** исследуются две сюжетные линии: выявление и разработка теоретической матрицы геориска, отражающей понятийно-категориальный аппарат социально-философской концептуализации; субъектно-объектные структуры геориска, выражающие амбивалентные формы его бытия и функционирования.

Исходной позицией в исследовании теоретической матрицы выступила система «органическое целое», в рамках которой возникает эта концепт-проблема. В процессе «погружения в основания» выявлено, что эта проблема имеет место быть в единстве понятий как органически целых систем: «сознание – пространство – деятельность». Данный вывод базируется на положении о том, что специфическое (объединяюще-разъединяющее), исходящее из древности восприятие индивидом (группой индивидов) пространства, необходимостью его освоения являются предпосылкой для изменения, реконструкции и структурирования пространственной среды обитания архаичных индивидов. Поскольку сознание выступает и в качестве функционального органа деятельности, то структурирование пространства возможно при двух совпадающих моментах: через внутренние структуры сознания индивида и через их внешнюю практическую деятельность по освоению пространства. В теоретический оборот исследования введены социально-философские понятия: «коллективное сознание», «социальное пространство», «социально-политическая деятельность, задающие социальный горизонт понятийно-категориального аппарата концептуализации геополитического риска.

Далее проводится анализ понятий с точки зрения социально-философского подхода в его разных исследовательских измерениях (психологическом, пространственном, цивилизационном, социокультурном, деятельностном). Подчеркивается, что конструирующая способность сознания на переформатирование социального пространства в стремлении упорядочить (сконструировать) чувственный материал, в стремлении к свободе (активная составляющая амбивалентности человеческой природы, заложенная в глубинных истоках сознания), а также прошлый геополитический опыт социума (являющийся глубинной основой сознания), становятся концептуальными основаниями геополитического риска.

Носители коллективного сознания как бы навязывают свое видение мира или своего собственного положения в этом мире, своей социальной

идентичности, навязывают инварианты национальной памяти, что делает сознание (способное к реконструкции пространства) усугубленным альтернативными несоответствиями, перевертываниями, что концептуализирует проблему геополитического риска в категориях «несоответствия», «инверсии», «различения».

Особо подчеркивается, что через категорию «различения» структурируется Большое социальное пространство, где выделяются геополитические типажи: Море и Суша, Запад и Восток, Север и Юг, означающие социальную поляризацию человечества, основанную на политико-идеологических, социокультурных, цивилизационных, экономических факторах, которые оказывают формирующее воздействие на геополитические практики. Различительные информационные схемы социальных пространств, противостоящих друг другу по природно-географическим, культурно-цивилизационным, идеологическим и экономическим параметрам становятся ценностными основаниями концепта геополитического риска. В контексте исследования теоретического универсума социально-политической деятельности проводится структурно-функциональный анализ, обозначающий территорию геополитического риска и определяющий «каркас» его теоретической матрицы. В этой связи развертывание концептуализации полагается на многоуровневую систему анализа. Первый уровень в соответствии с психологической теорией деятельности утверждает, что единство геополитического риска как социального действия выступает как единство тех геополитических целей, на которые он направляется, и социальных мотивов, из которых он исходит. Второй, в соответствии с геополитическими теориями утверждает, что геополитический риск обусловлен нуждой и потребностью в дополнительном жизненном пространстве, сырьевых ресурсах, в национализме для обеспечения жизнеспособности нации, а также интересом национальных сообществ в обеспечении безопасности и сохранении территориальной целостности собственного жизненного пространства; или частным интересом политической элиты. Третий уровень, в соответствии с коммуникативными теориями, отражает геополитический риск как социальное действие, обретающий функциональный характер, где он, встраиваясь в сложную систему взаимодействия субъектов геополитики, интеракций между ними, координирует совместные геополитические проявления. Четвертый, в соответствии с институциональным аспектом анализа, доктринирует в геополитическом риске как социальном действии нормы и правила, закрепляющиеся как легитимно, так и неформально в деятельности различных институтов и организаций. Пятый, в соответствии с аксиологическим аспектом анализа, где доктринируются в геополитическом риске как социальном действии общественные ценности, геополитические идеи, идеологические программы, формирующие духовно-ценностное, идеологическое пространство геополитического риска. В матрице геополитического риска социальная деятельность определяется как системно-целостный процесс с разными функциональными подсистемами: причиняющей, идеально-регулятивной, операциональной, результативной. Развитие этого комплекса полагается на

социальную регуляцию и политическое управление. Делается вывод о том, что «коллективное сознание – социальное пространство – социально-политическая деятельность», формируя особую территорию геополитического риска со своими мотивами, целями, планами, информационными схемами, соответствующим геополитическим опытом, потребностями и интересами, внутренней деятельностью воли субъектов социополитических действий, составляют теоретический универсум его концепт-проблемы. А основные типы взаимосвязи между генерализирующими понятиями теоретической матрицы – взаимопересечение и взаимопроникновение – раскрываются в универсуме через категории «инверсии», «различения», «управления» и «регуляции».

Другая сюжетная линия темы второго параграфа исследует субъектно-объектные структуры геополитического риска, где выделены горизонтальная (субъектно-объектная) и вертикальная (субъективно-объективная) формы бытия и функционирования этого общественного феномена. По семантическим основаниям и правилам получена развертка геополитического риска как деятельности, позволяющая вывести деятельностные категории концепта: ресурс (ценностные основания субъекта), потенциал (культурно-исторические универсалии общества, удерживаемые субъектом), социальное действие (практическая геополитическая акция), условия (социокультурное пространство возможных действий субъекта, принимающего риск), цель (локальное жизненное пространство субъекта принимающего риск, выступающего в данном случае объектом). Поскольку последний имеет свои собственные ценностные основания и общественные культурно-исторические универсалии, исследование переводится в социокультурный пласт онтологических категорий субъектно-объектного существования геополитического риска. Утверждается тезис о том, что геополитическая рискодеятельность выступает в амбивалентной форме: как источник развития геополитического мышления и сознания, а также как общественный (социальный) атрибут самой геополитической деятельности. Это базируется на том положении, что именно человек и социальная общность обладают даром осваивать самих себя и пространственный мир, превращая внешнее, неосвоенное пространство в содержание своего сознания, своей культуры, своей деятельности, своих способностей и ценностных ориентаций. Поэтому социально-философская концепция геополитического риска начинает репрезентироваться антропологическим и социальным срезом: начинается с человека, находя свое продолжение в социоцентризме. Эти соображения позволили (пере, до) осмыслить понимание субъекта геополитического риска: от толкования его как государства, принятого в геополитическом анализе к индивидуально-совместной субъектности (историческая личность, этнос, нация, религиозная группа, политическая элита) в социально-философской анализе.

В третьем параграфе первой главы **«Систематизация социально-философской концепции геополитического риска»** рассматриваются два проблемных сюжета: первый связан с общей проблемой элитизации в обществе, второй – с проблемой реконструкции геополитического опыта прошлого. Исследуемая социально-философская концепт-проблема

раскрывается через феномен правящей политической элиты как генерализирующего субъекта геополитического риска и феномен социальной памяти как информационного средства геополитической рискодеятельности, ее пускового и регулятивного механизма. При принятии геополитически значимых решений социально-политическая природа действий властвующей политической элиты зиждется как минимум на двух концептуальных основаниях: на разобщенном и многовариантном геополитическом сознании и разнокачественной, множественной силовой составляющей властной структуры общества. В концепте они представлены конструктами: поливалентности по статусу, привилегиям и функциям; поливариативности их геополитического сознания, и носят они амбивалентный характер. Эти суждения базируются на том положении, что феномен правящей политической элиты, с одной стороны, субъект производства и потребления геополитического риска, а с другой – субъект преодоления кризисных геополитических ситуаций. Феномен геополитического сознания элит, сформировавшийся в ходе исполнения ими социальной роли в пространстве, а также в ходе социализации и овладения социальными апологиями, делает само сознание многовекторным. С одной стороны, в геополитическом риске актуализацию получают имперско-экспансистское, мифологическое, национальное и мессианское типы сознаний, что порождает кризис рационального сознания и неопределенность в пространстве. А с другой, национальные элиты во взаимоотношениях друг с другом, ставя определенные геополитические цели, действуют осознанно, что понимается как результат определенных коммуникативных отношений между их сознаниями. Подходя к проблеме коммуникации (на уровне сознаний) по модели межличностного взаимопонимания, делается предположение о том, что снятие рискогенных геополитических проявлений возможно, где исключается конфронтация, насилие, попытка решить пространственные проблемы силовым образом. Рассматривая амбивалентный по характеру конструкт поливалентности элит, раскрывается многоуровневое содержание силового поля власти: это и управление, и администрирование сферами жизни общества; это овладение, пользование и распоряжение приобретенным жизненным пространством, это интеграция интеллектуального превосходства элит; это адаптация их к организованным международным нормам и правилам, ограничивающих рискогенность проявления геополитической деятельности. Делается заключение: многоуровневая валентность по статусу, привилегиям и функциям, составляя содержание силового поля, что легитимизирует в геополитических ситуациях силовую составляющую властной элиты. С одной стороны, оставляя за собой право геополитического выбора, элита через систему поливалентности порой выходит за пределы нравственного закона и действует в логике собственных интересов. А с другой, через силовую интеллектуальную составляющую берет на себя ответственность за сохранение и создание новых смыслов для исключения саморазрушения общества.

Разрабатывая деятельностные категории политической властной элиты, автор основывается на ряде соображений: во-первых, источником геополитической деятельности выступает воспроизводящая межпоколенная

связь (геополитическая деятельность практически не прерывается, переходит от одной элиты к другой), приобретая черты саморазвития; во-вторых, отношения национальных элит являются исходным реальным основанием и представляют собой способ геополитической деятельности, аккумулированный конкретными геополитическими субъектами и реализуемыми ими в противопоставлении друг другу; в-третьих, элита не довольствуется только стереотипами поведенческой практики, что требует от нее поисковые, пробующие исследовательские геополитические действия, особые способы построения диалога с политической элитой Другого, то есть некие специфические инверсии; в-четвертых, элита государства инициатора геополитического риска оказывается растворенной в общественных потребностях, национальных интересах и собственных мотивах; а государства, принимающего риск, в задачах производства и наращивания геополитической деятельности. Элита государства принимающего риск растворена в целях и условиях социальной реальности (психологическая теория деятельности), являясь ее материалами и продуктами (методологическая теория деятельности).

Настоящие соображения приводят к выводам, имеющим принципиальное значение для социально-философского развертывания концепта геополитического риска. Первый – деятельностные категории концепции являются «монтажными блоками», из которых выстраиваются конструкты деятельного бытия генерализирующего субъекта геополитического риска. Второй – геополитическая рискодеятельность элит есть онтологическая категория жизненного пространства общества и человека, а не частная форма его активности. Третий – геополитическое инверсионное действие политической элиты – это скрытый инверсионный риск, сопровождающийся манипулированием общественного сознания с внутренним миром Другого. Четвертый – политическая властная элита – это та инстанция в концепте, на уровне которой происходит переход из режима развития в режим саморазвития геополитического риска. Различные формы такого перехода следует искать в генетических, культурологических кодах. Второй проблемный сюжет параграфа, рассматривая один из таких кодов – категорию социальной памяти, - определяет характер и механизмы взаимосвязи «социальной памяти и геополитического риска». Выделяются виды памяти о геополитическом опыте прошлого (индивидуальный, социальный, исторический), каждый из которых в разной степени активности (что показывается в работе) участвуют в конструировании геополитических ситуаций. Делается вывод о том, что социальная память (по сравнению с другими видами) наиболее всего востребована, ибо она хранит специфические для конкретного национального (этнического, религиозного) сообщества технологические приемы и алгоритмы социального действия, необходимые при моделировании геополитических ситуаций.

В зависимости от исследовательских подходов к анализу социальной памяти, сложившихся в неклассической и социальной философии, выделяются модели или версии социальной памяти: функциональная, феноменологическая, информационная, структуралистская, постструктуралистская, которые в разной

степени эвристичности определяют характер и механизмы взаимосвязи между памятью и риском. В этой конструктивной схеме выделяются и опорные точки, извлекаемые из глубин общественного сознания, детерминирующие восприятие и поведение геополитических субъектов (функциональная модель); и интенциональная направленность сознания на геополитическое прошлое (феноменологическая модель); и ретроспективный тип социальной информации, передающий из поколения в поколение культурно-историческое своеобразие Больших социальных пространств, детерминирующий различные геополитические стратегии рискодеятельности социумов (информационная модель); и закрытые статичные структуры, передающие архаичные, устойчивые репрезентации геополитического прошлого на геополитическое настоящее (структуралистская модель); и децентрализованные открытые структуры, определяющие динамизм геополитических интересов социальных общностей, конструирующие инварианты геополитических ситуаций рискогенного характера (постструктуралистская модель).

Особое внимание уделяется рассмотрению культурно-исторического типа социальной памяти, который складывается из информационных потоков, получаемых от ценностного и духовного начал различных цивилизаций, внутренних укладов их народов, что является глубинным культурно-историческим информационным источником формирования геополитических рисков. Делается заключение о том, что такой тип социальной памяти поставляет в конструктивную схему взаимосвязи с геополитическим риском информации об утраченной национально-государственной независимости, о потребностях в национальном самоопределении для конструирования в настоящем геополитически рискогенных сюжетов по восстановлению или завершению процессов национальной самоидентификации. Геополитическая ситуация начинает обуславливаться укоренившимися принципами самоидентификации территориального сообщества, основанными на разделяемой системе ценностей и образе жизни.

Специфика авторской установки второй главы **«Концептуализация геополитического риска в пространственных моделях социума»**, в частности первого параграфа **«Геополитическое пространство России в контексте концепции геополитического риска»** заключается в том, чтобы с позиций социально-философской концепции геополитического риска выяснить рискогенную природу российского геополитического пространства. Обосновывается, что эта природа предстает результатом социально-политической рискогенной деятельности субъектов социальных действий, одновременно являясь их жизненным миром. Синтез деятельностного и феноменологического подходов, примененный автором к определению геополитического пространства России, позволяет эффективнее привлечь концепцию геополитического риска к социально-философским познавательным практикам.

Центральное место в анализе геополитического пространства России занимает авторское внимание к историческим формам восприятия геополитического пространства в ментальности российских субъектов, что

приводит к выводу об инверсионном характере, парадигмально-ценностном смещении коллективного сознания субъектов социально-политических действий относительно пространственного бытия России: утверждения его значимости и доминирования; поиска и обретения недостающего смысла пространственного бытия. Утверждается тезис о том, что российское коллективное сознание по отношению к пространству неопределенно, двойственно, расколото, а значит риск-ориентировано. Оно во многом определяется ценностно-мировоззренческими установками исторического времени.

Далее отмечается специфика онтологических структур пространства России. Ее пространство имеет сложную полиэтническую структуру и демографическую структурную разреженность. Эти онтологические структуры порождают особую сферу рискогенности геополитического пространства России, являясь причинами и скрытыми послылками пространственного изменения.

Аналізу подвергается феномен этнического различия социального пространства России, а также этнические аспекты внешнего и внутреннего управленческого фактора, порождающие новый тип риска в геополитическом пространстве – риск очевидности того, что властные структуры не в полной мере реализуют свои собственные возможности. Аналізу подвергается концепция пространственной неравномерной плотности демографического распределения (внутренний фактор угрозы российскому пространству) и концепция демографического давления (внешний фактор угрозы российскому пространству).

Анализируются онтологические проблемы, которые порождаются этими факторами, что является объективными источниками геополитических рисков. Факторы различия пространства (этнический и демографический) являются факторами превращения теории геополитического риска в его практику.

Иная пространственная модель социума в концептуализации геополитического риска представлена во втором параграфе **«Ценностные и методологические перспективы развития социально-философского концепта геополитического риска»**.

Инновационные установки ценностного и рационалистического осмысления инклюзивного совмещения пространственного, гуманистически-нравственного и экзистенциального выражены в предложенной идее новой геополитической рационализации. Рассматриваются три основных сюжета в горизонте инновационного развертывания концептуализации: сочетание морального и экзистенциального, сочетание нравственного и социального, самонастраивание человека и общества на усовершенствование. Исходным пунктом первого сюжета выступает тезис о естественном законе жизни, значение которого заключается в сохранении жизни на Земле. Утверждается, что замысел цивилизации является общим экзистенциальным интересом, являясь естественным законом жизни для всех людей. Сохранение жизни – исходный пункт всякого индивидуального и общественного побуждения в ситуациях геополитического риска. Субъект геополитического риска, наполняя свое

духовное пространство в аспекте переживания жизни и смерти, осуществляет свой выбор в пользу жизни. Естественный разум человека в своих экзистенциальных установках – переживание жизни и страха смерти – оказывается моральным разумом, имеющим уже аксиологическую установку – признание насильственной смерти является величайшим злом. Основной тезис сюжета: геополитически рискуя, субъект постоянно рефлексивирует в векторе опасности смерти, и только предпринимая волевые, моральные усилия, человек реализует экзистенциальную альтернативу в пользу жизни. Основной вывод сюжета: в геополитическом пространстве, когда человек выступает как родовое существо, сочетание морального и экзистенциального приводит к обновленной геополитической антропологии, позволяющей человеку исполнить один из естественных законов жизни – сохранить человеческую цивилизацию. Рамки социально-философского концепта геополитического риска раздвигаются: он становится расширяющимся концептом – главное не удовлетворение потребности в территориальных приобретениях или собственных интересах, а удовлетворение морально-экзистенциальной потребности – сохранить жизнь на Земле.

В рамках второго сюжета в социально-философской концептуализации геополитического риска вводятся понятия «нравственного капитала общества и человека», «геополитическая этика» и «гуманизация научно-технического прогресса». Здесь исходным пунктом выступает утверждение о том, что эти понятия являются актуальными и потенциальными ресурсами пространственного трансформирования жизненного мира. Они составляют культуру социальных отношений в ситуациях геополитического риска, которые вместе начинают выстраиваться на взаимопонимании субъектов национальных социумов, как субъектов геополитического риска. Эти ресурсы могут оказаться настолько большими, что они практически смогут контролировать механизмы геополитического поведения, независимо от желаний и устремлений субъектов риска. Основной тезис сюжета: социально-политическая деятельность геополитических субъектов на основе широкомасштабной нравственной капитализации общества с формами геоэтической капитализации – геополитической этики и гуманизации научно-технического прогресса – начинает формироваться в предельных границах нравственного и социального порядков, что предполагает тесную взаимозависимость и взаимовлияние нравственности и социальной справедливости. Основной вывод сюжета: социально-философский концепт геополитического риска теряет амбивалентность, становясь более определенным: коллективное сознание геополитического субъекта не порождает национально-этнических противостояний, освобождается от геополитических мифологем, социально-политическая деятельность субъектов социальных действий не конструируется в формах соперничества и вражды, в социальном пространстве порождаются онтологические ценностные структуры – общечеловеческие нравственные идеалы и ценности разных культур; проекты этико-геополитической ответственности за будущее; одухотворенность науки.

Третий сюжет параграфа посвящен вопросу методологических перспектив развертывания социально-философского концепта геополитического риска. Поскольку модель интеграционного единства «коллективное сознание» - «социальное пространство» - «социально-политическая деятельность» редуцирует модель сложного процесса геополитической реальности, авторская позиция предполагает использование идеи нелинейной динамики, в частности социосинергетической теории. Предполагается, что на пике предела сложности системы, возможно возникновение обновленного коллективного сознания (процесс суперотбора). Предполагается также, что обновленный вариант возникает на основе более глубокого единства социокультурных элементов жизненного пространства социумов (активность интеграционных процессов), что уменьшает степень антагонизма между носителями идеалов. На основе этих суждений предполагается, что возникает образ общечеловеческого идеала, способного породить тенденцию к постепенному сглаживанию пространственных противоречий. Данный вывод актуализирует методологическую значимость постклассических принципов к анализу геополитического риска как динамического процесса: принципов холизма и идей устойчивого развития системы. Основная идея модели устойчивого развития состоит в уменьшении антропогенного фактора на пространственные структуры пространственных социумов для их сохранения.

Методологическая перспектива развертывания концепта просматривается автором и в рамках процессов дискурсивной динамики. Утверждается тезис о том, что в новом геополитическом дискурсе важным представляется обмен ценностно-значимой информацией, в основании которой положена дискурсивная геополитическая этика. Не менее важно, как считает автор, обращение к формам саморегуляции социумов – морали, праву, политике. Основной вывод: инклюзивно соединить в дискурсах о геополитической рискодеятельности социума этическую проблематику с последующей социализацией в коллективном сознании геополитического субъекта – главная задача новой геополитической рационализации.

В инновационном формате развертывания концепта принципиально важно утвердить и новые методологические принципы, касающиеся социально-политической деятельности субъектов. Первый – способность геополитических субъектов к самонастраиванию на диалог, на взаимопонимание, на ограничение геополитического действия моральным императивом; второй – дискурсивное управление и регуляция через взаимосвязь геополитической и этической рациональности создает механизмы защиты от инверсии геополитического сознания, различения социального пространства по этническим основаниям, от неконтролируемой научно-технической деятельности, монополюльно захваченной технократическим разумом.

И как главный вывод: новая геополитическая рационализация, где этические нормы находят свое обоснование в коллективном сознании и деятельности геополитических субъектов, становятся модернизацией в динамике социального и геополитического процессов, составляя основу

социального проектирования для пространственного жизнеустроения без геополитических рисков со значительными негативными последствиями.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Юдин А.В. Проблема элит в концепте геополитического риска: деятельностно-онтологический и социокультурный подходы // Известия Саратовского Университета. Новая серия. 2009. Серия Философия. Психология. Педагогика. № 9. С. 54-58;
2. Юдин А.В. Об особенностях взаимосвязи социальной памяти и геополитического риска // Вестник Поволжской Академии Государственной службы. 2010. № 1 (22). С. 184-188;
3. Юдин А.В. О понятийно-категориальном аппарате социально-философской концептуализации геополитического риска // Известия Саратовского Университета. Новая серия. 2011. Том 11. Серия Социология. Политология. Выпуск 3. С. 95-98.

Публикации в других изданиях:

1. Юдин А.В. Геополитический сюжет Карла Хаусхофера в его соотнесенности с понятиями пространства и риска // Общество риска: цивилизационный вызов и ответы человечества. Саратов: Научная книга, 2006. С. 88-94;
2. Юдин А.В. Логика бытия геополитического риска в контексте анализа жизненного пространства общества // Ценностный мир человека в современном обществе. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. С. 175-184;
3. Юдин А.В. Культурологический дискурс геополитического риска // Инновационные методы в науке и образовании. Энгельс: Редакционно-издательский центр ПКИ, 2009. С. 157-165;
4. Юдин А.В. Геополитический риск как способ переустройства пространственных отношений между государствами // Тенденции развития современного общества: пути преодоления экономического кризиса. Саратов, 2009. С.148-151;
5. Юдин А.В. О конструировании, восприятии и распространении геополитических идей в пространстве // Экономический и социально-философский потенциал современного общества: возможности, тенденции, перспективы развития. Саратов: Научная книга, 2009. С. 156-159;
6. Юдин А.В. Геополитический риск – явление социально-исторической реальности // Стратегическое развитие России в рамках приоритетных национальных проектов. Энгельс: Редакционно-издательский центр ПКИ, 2009. С. 30-38;

7. Юдин А.В. Проблема выбора, свободы и ответственности в механизмах реализации геополитического риска // Тенденции и перспективы развития современного общества. Саратов: КУБиК, 2009. С. 182-184;
8. Юдин А.В. Концепт-ценность геополитического риска: начало философской концептуализации // Культура, наука, человек в постсовременном обществе. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2009. С. 49-57;
9. Юдин А.В. Общественный феномен геополитического риска в контексте усовершенствования: аксиологический и экзистенциальный аспекты // Модернизация и перспективы развития современного общества (экономический, социальный, философский и правовой аспекты). Саратов: КУБиК, 2010. С. 125-128;
10. Юдин А.В. Геополитические стратегии глобального социума // Духовные истоки русской философии. Саратов: Саратовский источник, 2010. С. 262-269;
11. Юдин А.В. Геополитический риск в контексте усовершенствования: новая геополитическая рационализация // Интеграция и инновации: их роль в социально-экономическом развитии. Энгельс, 2011. С. 194-200.